



VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Диакон Владимир Василик

(СПбДА)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ГРЕХОВ В «ЛУГЕ ДУХОВНОМ»

Вопрос о происхождении грехов и их классификации является далеко не праздным, поскольку тесно связан со стратегией борьбы с грехом в повседневной жизни не только монашествующего, но и любого христианина. Великие аскеты оставили подробные исследования относительно генезиса грехов и их типологии, а также борьбы с ними. Однако, для нас весьма важны и интересны не только памятники «элитарной» аскетической литературы, рассчитанной на достаточно узкий круг посвященных, но и произведения, предназначенные для широкого круга, в т.ч. на «простецов». Среди них особенно важен такой памятник, как «Луг Духовный», написанный преп. Иоанном Мосхом который создавался в период между 607 и 622 годом. Св. Иоанн Мосх путешествовал по Востоку, был в Египте, Палестине, Малой Азии и встречался со многими подвижниками благочестия, которые являлись носителями монашеской традиции VI в., если не глубже.

Св. Иоанну Мосху, равно как и его информантам далеко не было чуждо общевосточнохристианское аскетическое представление о генезисе грехов, о происхождении одного греха от другого. Авва Маркелл в 152 рассказе говорит: «Бежим от матери всех зол – сребролюбия». В «Луге Духовном» в той или иной мере также присутствует идея семи (или восьми) смертных грехов, которая впервые появляется уже у Евагрия Понтийского. К числу этих восьми грехов относятся чревоугодие (γαστρίμαρῦα) блуд – (πορνεία), сребролюбие (φιλαργυρία), гнев (ὀργή), печаль (λύπη), уныние (ἀκηδία), тщеславие (κενοδοξία), гордость (ὑπερηφανία). Эти грехи можно назвать также страстями (πάθη) или греховными состояниями, искаженными способностями человеческой души и тела (например гнев есть искажение т.н. «раздражительной силы души»), которые порождают грехи как проявления или греховные поступки (например – гнев порождает убийство).

Рассмотрим по отдельности каждый из этих восьми смертных грехов и их проявления.

1. Чревоугодие (γαστρίμαρῦα). К нему близок грех «гортанобесия» – «гортанобесие λαίμαρῦα (прожорливость, чревоугодие).

Для св. Иоанна Мосха это отнюдь не безобидный вид греха, поскольку он может подвергнуть человека демонской одержимости. В 161 рассказе «Луга» говорится об одном отшельнике, авве Исааке, к которому пришел злой дух в виде отрока с советами, как правильно плести циновку. Когда подвижник несколько раз пытался его выгнать, тот заявил ему: «Ведь ты меня сам сюда призвал и ты – мой, потому что ты три воскресенья причащался, враждуя с соседом твоим... Не за малость ли чечевицы ты злопамятствуешь против него. Я же – дух злопамятства и отныне – ты мой». Таким образом мы видим, что чревоугодие, или, по крайней мере, пристрастие к еде, порождает злопамятство (μνηστικαία), один грех генерирует

другой. Старец после этого примирился со своим соседом, а злой дух в отместку сжег циновку.

В изречениях аввы Александра чревоугодие увязывается с щегольством и тщеславием: «Много есть и пить, и хорошо одеваться мы можем. А воздерживаться и смиренномудрствовать – не можем».

В 51 рассказе авва Илия дает следующую оценку современному ему монашеству: «Во дни отцов наших были возлюблены три добродетели – нестяжательность (ἀκτημοσύνη), кротость (πραότης) и воздержание (ἐγκράτεια). Ныне же царствует среди монахов жадность (πλεονεξία), чревоугодие (γαστριμαργία) и дерзость (θρασύτης)

Таким образом, выстраиваются два ряда:

Добродетели	Пороки.
нестяжательность (ἀκτημοσύνη)	жадность (πλεονεξία)
кротость (πραότης)	дерзость (θρασύτης)
воздержание (ἐγκράτεια)	чревоугодие (γαστριμαργία)

Итак, мы видим, что чревоугодие органически связано с жадностью – как стремлением к добыче и удержанию материальных благ (в т.ч. пищи) и дерзостью или наглостью как способом их добычи, а также бесчинным и неумеренным пользованием их. С другой стороны, видно, что чревоугодие обуздывается воздержанием.

В этой связи встает вопрос о жадности, органически связанной со страстью сребролюбия (φιλαργυρίας или любостяжения (φιλοχρηματίας). Мы уже упомянули об изречении: «бежим от матери всех зол - сребролюбия». За словами аввы Маркелла стоит определенная традиция, которая присутствует уже у Псевдо-Климента: πλεονεξία τις ἐστὶν εἰδωλολατρεία, φιλαργυρία ἢ ρίζα πάντων τῶν κακῶν, φιλοκοσμία, κενοδοξία, φιλαρχία (жадность, которое есть идолослужение: сребролюбие – корень всех зол, любовь к миру, тщеславие, любоначалие). Сребролюбие – мать всех грехов уже потому, что оно породило предательство в Иуде. Однако оно является таковым также в силу того, что во-первых ведет к немилосердию, во-вторых провоцирует человека на ложь и обманы, приводит к конфликтам и следовательно - к гневу и несправедливости, а также к тщеславию и гордости; кроме того для монашествующих сребролюбие неминуемо ведет к рассеянию и суетности. Связь между сребролюбием и тщеславием прослеживается в 110 рассказе – изречениях «некоего египетского старца»: «Сегодня мы не перестаем стучать во все двери и обходить всякий город и всякую страну, где мы могли бы приобрести себе пищу для сребролюбия или тщеславия: φιλαργυρίας ἢ κενοδοξίας ὁψόνια ἑαυτοῖς ἀγοράσαι, καὶ τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς ἐμπλήσαι ματαιότητος). В 144 рассказе любостяжание ставится в один ряд с тщеславием и несправедливостью (ἀδικία): О, если бы люди имели такое же стремление (σπουδῆν) к добру, какое они имеют к злу и насколько они стремятся в театры и к немощным празднествам и к сребролюбию, тщеславию и несправедливости (περὶ φιλοχρηματίαν καὶ κενοδοξίαν καὶ ἀδικίαν), они превратили бы это в любовь к благочестию». Связь жадности с несправедливостью отмечена также в 154 рассказе, где герой говорит о себе: Я же --- наемник в имении богатого человека, - несправедливого и жадного (ἀδίκου καὶ πλεονέκτου. В 168 рассказе (изречения аввы Александра) любовь к деньгам соотносится с гордыней: ἐπὶ τῶν Πατέρων ἡμῶν αὐταὶ αἱ ἀρεταὶ κμασαν, ἢ ἀκτημοσύνη, καὶ ἢ ταπεινώσις. Σήμερον δὲ πολιτεύεται ἢ φιλοχρηματία καὶ ἢ ὑπερηφανία». При отцах наших процветали сии добродетели: нестяжание и смирение. Сегодня же жительствуют любостяжание и гордость».

Особенно осуждается жадность при подаении нищим и нуждающимся. Пример тому – 85 рассказ, когда из-за недорода братия монастыря отказали нищим в обычной хлебной раздаче на Великий Четверг. В Великую Пятницу эконом монастыря увидел, что весь запас пшеницы пророс. Тогда игумен, обличая непокорных говорит им: «Отвергающий обетования отца своего так страдает, вы пожалейте скорби преслушания вашего (τοὺς πόνους τῆς παρακοῆς σου τηρήσατε). Образ пожидаемых скорбей связан с праотцем Адамом, преступившим заповедь: «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. (Быт. 3, 17-19). Более того, косвенно скупые и маловерные братья сравниваются с Израилем, распявшим Христа. Игумен говорит далее: «Воистину два лукавая сотворихом» □ (δύο πονηρὰ ἐποίησαμεν). Эти слова являются цитатой из пророка Иеремии: ὅτι δύο πονηρὰ ἐποίησεν ὁ λαός μου. ἐμὲ ἐγκατέλιπον, πηγὴν ὕδατος ζωῆς, καὶ ὤψυξαν ἑαυτοῖς λάκκους συντετριμμένους, οὐ οὐ δύνησονται ὕδωρ συῶχειν. (два лукавая сотворил народ мой, меня оставили, источник воды живой и выкопали себе колодцы сокрушенные, где не могут почерпнуть воду).

Но эта цитата из пророка Иеремии используется в службе Великой Пятницы, в стихире на «Хвалитех»: «Два и лукавая сотвори перворожденный сын мой Израиль». Δύο καὶ πονηραὶ ἐποίησεν ὁ πρотоτόκος υἱὸς μου Ἰσραὴλ. Мене остави, источник воды живой и ископа себе кладезь сокрушенный. Мене на древе распя, Варраву испроси и отпусти». Еще раз напомним: пшеница проросла в Великую Пятницу и именно в ее контексте эта цитата приобретает полноту своих смыслов.

Сребролюбие является угрозой для устройства монашеской жизни. В 13 рассказе из *membra disiecta*, опубликованном Ниссеном, рассказывается о брате, который пожертвовал игумену золото, несмотря на его просьбу раздать его нищим. В результате «брат уже не выказывал такой ревности, как прежде но слегка и роптал, говоря: «Я достаточно золота дал киновии, и поэтому не ем даром хлеб». Слыша это, некие из братьев соблазнились, особенно те, кто были по состоянию из простых». Игумену пришлось обличить брата и на его глазах утопить золото в Иордане, чтобы исцелить его от гордыни и сребролюбия.

В мирской жизни сребролюбие может привести к преступлению и покушению на убийство: так в 75 рассказе сообщается о рабе, который замыслил обокрасть и убить свою госпожу с ее дочерью и если бы не его чудесное ослепление, непременно исполнил бы свое намерение.

Следующая, сугубо монашеская страсть – уныние (ἀκηδία). Современный русский читатель под влиянием светской традиции XIX века склонен воспринимать уныние как печаль. На самом деле, уныние соответствует более скуке, нерадению, праздности, упадку трудовой деятельности, нежеланию продолжать свое дело. Источником уныния зачастую выступает демон, вот пример из 62 рассказа: в авву Стефана стал всеивать помыслы демон, говоря: «Удались отсюда, ты не получаешь здесь пользы». На это старец отвечал ему: «Не послушаю тебя. Я знаю, кто ты такой. Ты не желаешь видеть никого спасающимся. Но Христос, Сын Бога живого, Сам тебя сокрушит». В 63 рассказе демон, чтобы произвести впечатление на подвижника и заставить удалиться, даже устраивает своеобразный «полтергейст» – заставляет скакать мебель в келье подвижника.

Таким образом, маловажный по-видимости порок становится столь значимым, что демон делает все, для того, чтобы человек впал в него, ибо это означает остановку в деле спасения, рассеяние и, следовательно – поползновение в погибель. Уныние связано с отсутствием страха Божия и боязни вечных мук. В 142 рассказе некий брат говорит авве Александру: «Авва, желаю удалиться от места где пребываю, ибо я весьма унываю» (θέλω ἀναχωρῆσαι ἐκ τοῦ τόπου οὐκ ἄθημαι, ὅτι πάνυ ἀκηδίω). На это авва Александр ответил ему: “Воистину чадо, это знак того, что ты не имеешь в уме ни наказания вечного, ни Царства Небесного, иначе ты не должен был унывать. (φύσει τέκνον, σημεῖόν ἐστι, τοῦτο, οὐκ ἔχεις κατὰ νοῦν οὔτε τὴν κόλασιν τὴν αἰώνιον, οὔτε τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, ἐπεὶ οὐκ εἶχες ἀκηδιάσαι).

Психологически уныние связано с рассеянием и может выражаться как в смехе так и в печали. О чтеце Зоиле говорится, что он всегда был чист и от смеха и печали, и от уныния и рассеяния (καθαρευων ἀεὶ γέλωτος καὶ στυγνίας καὶ ἀκηδίας καὶ διαχύσεως).

Со страстью уныния органически связаны небрежение или леность (ῥαθυμία) □ малодушие, понимаемое как небрежение (ὀλιγωπία), а также – праздность (ἀργία) □ и желание покоя ἄνεσις). Согласно 1 изречению из Эвергетидского сборника *membra disiecta ῥαθυμία* ведет к унынию (ἀκηδία), а чрез нее – к гордости и тщеславию. Относительно малодушия (ὀλιγωπία) в 164 рассказе говорится, что она – «болезнь души». Подобно тому как страдающие болезнью глаз, думают, что видят яркий свет, поскольку они испытывают сильную боль, а здоровые чувствуют, что видят мало света, таким же образом и малодушные из-за малого искушения быстро смущаются и считают, что искушение велико, а здоровые душой скорее радуются в испытаниях». Нерадение может привести к смерти или лишению Царства Небесного: в 16 рассказе говорится о монахах, которые шли по пустыне и из-за жары потеряли силы. Сев под деревом и ожидая смерти, один увидел в экстазе двух людей, почерпавших воду из купели и стал просить одного: «Сотвори любовь, господине, дай мне воду». Он же не соглашался дать ему воду. Тогда товарищ почерпателя говорит ему: «Дай ему немного». Тот отвечает ему: «Не дадим, потому что он весьма нерадив и не радит о себе (ὅτι ῥαθυμός ἐστὶν καὶ ἀμελεῖ ἑαυτοῦ). На это товарищ ответил: «Да, он нерадив, нерадив, но ради странничества его дадим ему (ῥαθυμός ἐστὶν, διὰ δὲ ξενιτείαν αὐτοῦ δώσωμεν αὐτῷ)». Если мы вспомним, что, начиная с Евангелия от Иоанна, вода является символом Духа Святого и благодати, то мы полностью поймем значение этого видения: из-за нерадивости монаху отказывается в благодати и, следовательно, в жизни, как во временной (смерть в пустыне от жажды), так и в вечной и он помилован только ради его странничества (т.е. – монашества). Еще более грозные последствия нерадения и непослушания показаны в 44 рассказе: у одного старца близ города Антино было десять учеников и среди них «он имел одного, весьма не радевшего о себе (πάνυ ἀμελοῦντα ἑαυτοῦ). Несмотря на вразумления и уговоры старца: «Брат, позаботься о своей душе, ты должен умереть и отойти на мучение», он всегда «ослушивался старца и не принимал его слов». В результате он умер и старец духовными очами увидел его в реке огненной (см. ниже).

От уныния резко отличается печаль. Некий египетский старец увязывает ее со славолюбием, считая печаль его оборотной стороной: «Мы ни удерживаем себя, когда нас хвалят, ни выносим слова обличения. Одно из нас производи славолюбие, а другое нам несчастным причиняет печаль. Ибо где печаль и тщеславие, не находится ничего хорошего». Οὐτε ἐγκομιαζόμενοι ἑαυτοῦς κρατοῦμεν, οὔτε πάλιν λόγον ὑποφέρομεν. Τὸ μὲν γὰρ ἡμῖν φιλοδοξίαν ἐργάζεται, τὸ δὲ λύπην ἡμῖν ἐμποιεῖ τοῖς ταλαπῶροις. Οπου δὲ λύπη καὶ κενοδοξία, οὐδὲν ἀγαθὸν εὕρισκεται)В 110 рассказе

говорится также о том, что демоны могут от печали довести человека до отчаяния: «Сие есть дело демонов...»

Чем это может закончиться, показывает 177 рассказ, в котором говорится о монахе, пожелавшем, несмотря на настояния старца, жить в келье еретика Евагрия. Демон печали довел его до самоубийства.

Для борьбы с печалью необходима твердая вера и решимость, подобная вере Моисея. В 208 рассказе находится весьма примечательная апофтегма: «Брат, одержимый печалью (κραιοῦμενος ὑπὸ λύπης) спросил старца, говоря: «Что буду делать, ибо помыслы налегают на меня (οἱ λογισμοὶ ἐπιτίθενταί μοι), говоря: «Ты напрасно (букв. несвоевременно) отрекся от мира, и не можешь спастись». Говорит ему старец: «Ты знаешь брат, что если мы и не можем войти в землю обетованную, то лучше, чтобы кости наши пали в пустыне, чем вернуться в Египет».

В этой апофтегме следует обратить внимание на следующее: состояние печали есть некая одержимость, подобная одержимости демонской. Помыслы печали не просто активны, но они агрессивны, они налегают на человека, буквально «давят» его. Египет, «дом рабства» являлся традиционным символом для царства дьявола (см. ниже) и, соответственно давящие помыслы ассоциируются с царством дьявола и рабства, в каком-то смысле их можно уподобить войскам фараона, устремившемуся вслед за евреями.

Гнев (ὀργή), в отличие от других страстей, далеко не всегда заслуживает однозначного осуждения в «Луге». Есть контексты, в которых гнев означает «божественный гнев» как проявление божественной справедливости и божественного суда. В 50 рассказе авва Георгий говорит: «И божественный гнев охватил нас» (καὶ ὀργὴ Θεοῦ κατέλαβεν ἡμᾶς). В 1 рассказе из *membra disiecta*, опубликованных Ниссеном говорится об «Ангеле гнева», посланном от Бога который поразил богохульника Нестория в отхожем месте. Гнев может употребляться также и для исправления человеческих пороков, так в 7 рассказе

В 187 рассказе содержится учение о стяжании добродетелей через ненависть к противоположным им страстям. Старец Иоанн Кизический говорит: «Если кто хочет стяжать добродетель, не сможет ее стяжать, если прежде не возненавидит противоположное ей зло: Ἐὰν θέλει τις ἀρετὴν κτήσασθαι, εἰ μὴ πρῶτον μισήσῃ τὴν ἀντιδιάμετρον αὐτῆς κακίαν, οὐ δύναται κτήσασθαι αὐτήν.

Однако, в «Луге Духовном» гнев все-таки по преимуществу является предосудительной страстью. Для обозначения человеческого гнева употребляется как ὀργή, так и θυμός. С гневом в Луге органически связано понятие ὕβρις – оскорбление.

Достоин замечания, что из шести случаев упоминания о человеческом гневе, три из них связаны с материальными проблемами, или материальными лишениями: В 183 рассказе жестокосердный земледелец заставляет нанятого им монаха жать пшеницу в полдневной зной, а когда тот убеждает его, что это плохо для урожая и переспрашивает его, исполнять ли приказ, то «говорит ему земледелец с гневом: "Да, я уже сказал тебе" (λέγει αὐτῷ ὁ γεωργὸς μετὰ θυμοῦ. Ναί, εἶπὼν σοί). Другой пример: в 218 рассказе монахи сбились с пути, вышли на засеянное поле и потоптали немного посевов. Работавший там крестьянин стал их сильно оскорблять их с гневом: ὕβρίζειν πολλὰ μετ' ὀργῆς. Следующий случай связан с чудесным умножением пшеницы, когда игумен приказал эконому пойти за пшеницей, а тот ушел с гневом, зная, что в амбаре ничего нет. Таким образом, мы видим, что пристрастие к имуществу, в той или иной форме способствует появлению гнева. Мы

уже видели эту связь на примере злопамятства, связанного с толикой чечевицы (см. выше).

Из гнева проистекает ненависть, которая может принимать самые разные формы и вести к клевете (δίαβολῆ) и доносителству (συκοφαντία). Клевета может принимать весьма изощренные формы: так пресвитера оклеветали пред епископом, что он якобы ест с дискаса (рассказ 108); на авву Даниила, вымолившему бесплодной чете наследника возвели клевету, что будто бы он является настоящим отцом ребенка (рассказ 114) _

Крайняя степень гнева и ненависти может проявляться либо в убийстве, либо в покушении на убийство: в «Луге» упоминается о ряде убийств, которые совершают или пытаются совершить либо разбойники, либо отравители и чернокнижники. Несколько отличается от этих «профессиональных» убийств случай, описанный в 174 рассказе, когда корабль попал в штиль и остался без воды, пассажиры мучились от жажды, и тогда писец, пливший на корабле, «не вынеся скорби и вынул меч, желая умертвить кормчего и матросов. Говорил он: «Они повинны в нашей гибели, поскольку не запаслись водой по нашей нужде» . писец действовал под влиянием отчаяния и гнева, говоря юридическим языком - в состоянии аффекта, поэтому он и не подвергся наказанию, но? напротив, по молитве кормчего на корабль посылается дождь .

Борьба с гневом оказывается возможной благодаря кротости. В 218 рассказе кроткий ответ монаха разгневанному земледельцу приводит последнего к покаянию и желанию принять монашество. В 35 рассказе наглый клирик заушает патриарха и тот подставляет ему другую щеку. В 187 рассказе для борьбы с гневом рекомендуется избегать лишнего общения: «Хочешь ли воздерживаться от гнева? Возненавидь обращение с мирскими». (ὁ Θέλων ἐγκρατῆ γενέσθαι τῆς ὀργῆς μισεῖ τὸ μετὰ κοσμικὸν διάγειν).

Одна из наиболее тяжелых страстей – гордыня (ὑπερηφάνια) Среди духовных лиц она может принимать запущенные формы, приводить к прелести и к духовной (а иногда и телесной) гибели. В эвергетидской коллекции *membra disiecta* содержится рассказ о гордом пресвитере, который через гордыню впал в блуд с женой одного начальника и за это был оскотлен. В одном из *membra disiecta* Лакнера имеется весьма интересное и несколько странное повествование об одном монахе, который возгордившись, стал просить у Бога позволения быть таким же, как Исаак или по крайней мере как Иов. Тогда после этой горделивой и неразумной молитвы к монаху является Сатана под видом воина, и просит принять от него на сохранение золото, девицу и отрока. Монах по простоте принимает все это, затем впадает в блуд с девицей, убивает ее, а также отрока как свидетелей его позора и с деньгами убегает. В одном из городов он берет в себе жены дочь палача, а после смерти последнего сам становится палачом и участвует в пытках и казнях. Вновь является сатана в виде воина и обличает его в убийстве отрока, девицы и растрате денег. Монах-палач нехотя признается и осуждается на повешение. У виселицы мнимый воин открывается ему и хвалится своей победой над гордецом, не научившимся вести духовной брани . Итак, из этого рассказа мы видим, что духовная гордыня оказывается источником целого ряда грехов и преступлений – блуда, убийства и воровства. Мы уже упоминали об апофтегме аввы Александра, где гордость связывалась с любовью к деньгам (φιλοχρηματία).

Производным от гордости является тщеславие (κενοδοξία) и суетность. Мы уже рассмотрели связи тщеславия со сребролюбием и несправедливостью, а также с печалью Остается добавить, что тщеславие часто становится подлинной мотивацией аскетических подвигов: один мирянин, став монахом, перестал столь

строго поститься как прежде, чему удивился его брат и тогда монах объясняет ему: Ἦ γὰρ κενοδοξία τῶν ἀνθρώπων καὶ ὁ ἔπαινος, οὐ μετρίως ἔτρεφον, καὶ ἔπεκουφίζον τὸν πόνον τῆς ἀσκήσεως. «Ведь пустая слава от человек и похвала неизмерно укрепляли и облегчали труд подвига» .

Безусловно, ересь органически связана с гордыней, как падшего ума человеческого так и его духа однако в силу особого культурно-религиозного статуса ереси, которая может быть как плодом гордыни так и неведения, ее следует рассматривать отдельно.

Наиболее часто упоминается плотской грех – прелюбодеяние или блуд (πορνεία). К чести общества, описываемого Мосхом, мы не встречаем в нем рассказов о противоестественных грехах (содомии и проч.) .

Для слова «блуд» (πορνεία) в «Луге» существует много синонимов и близких понятий.

Весьма показательно то, что слово φθορὰ тление не употребляется у Мосха в общем богословском значении, но употребляется в конкретном значении – растление, в частности - φθορὰ растление. Τὸ ἔργον τῆς ἀνομίας εἰς τὰς τιμὰς παρθένους ἐπιβουλεύοντες πρὸς φθορὰν ταύτας καθεῖλκον. Μιονί. vii р. «И замыслив дело беззакония на честных дев, повлекли их на растление».

Другой синоним - ἀκολασία - невоздержанность, распущенность, связан с семантикой отсутствия воспитания или наказания. Этот термин присутствует в 7 рассказе из Membra disiecta Миони: «Когда же окончился ужин, то он разгоревшись от множества вина и от похоти невоздержания (καὶ τῆ ἀκολασίας ἐπιθυμίᾳ) стал склонять ее к тому, чтобы спать с ним».

Следующий синоним блудного греха – ἀσωτία распутство, первичное значение которого – не-целость, не-целомудрие, вторичное значение этой лексемы – «роскошь, расточительство» и следовательно, он несет в себе определенный материально-финансовый подтекст. Он может обозначать не только и не столько поступки, сколько греховного состояния – распутства-расточительства

Вот один из примеров – из 32 рассказа (его анализ см. ниже – в главе «Покаяние») -

Οἴδατε, Ὅτι ἐζησα μεθ ὑμῶν ἐν ἀσωτίᾳ (Знаете, что жил я с вами в распутстве. (32 рассказ). Следующий пример – на связь ἀσωτία с деньгами и материальными затратами - рассказ о юноше, разоренном кораблекрушениями καὶ πάντα ἀπόλεσας, ... οὔτε φαγῶν οὔτε εἰς ἀσωτίαν δαπανήσας - и все погубил, не проел (не прокутил), не расточил на распутство.

Следующий синоним, носящий эвфемистический оттенок – πρᾶξις буквально – дело, деяние). Он может обозначать собственно половой акт – см. 39 рассказ.» Когда же девица увидела его (монаха) целиком распаленным на «дело». Ὅλον πρὸς τὴν πρᾶξιν φλεγόμενον 2892 А. Другие два примера взяты из 97 рассказа, где один монах говорит своему брату: «Или иди со мной, чтобы я сделал дело». ἢ ἦλθε μετ' ἐμοῦ ἵνα τὴν πρᾶξιν ποιήσω 2956 В.(97 рассказ). В том же рассказе содержится еще более характерный пример. Когда же вышел вошедший в блудилище, сделав «дело».

Ὡς οὖν ἐξήλθεν Ὁ εἰσελθὼν εἰ τὸ πορνεῖον ποιήσας πρᾶξιν

Вольно или невольно, но это полужаргонное выражение , в контексте монашеских согрешений блудом является своеобразной иронической антитезой

традиционному значению τράξις в монашеском языке □ как духовного делания, подразумевающего пост и молитву.

Наконец, термин, обозначающий блуд как некую скверну, осквернение – μύσος □□□□□□(скверна, осквернение, гнусность). Приведем пример из 165 рассказа. Καὶ μαθὼν τίς ἐποίησεν, ἀπεκεφάλισεν τοὺς πεποικίτους τὸ μύσος. 3032 С. И, узнав, кто совершил это (т. е. изнасилование матерей новокрещенных детей), обезглавил сотворивших это осквернение (165 рассказ).

Итак, семантическое поле блуда очерчивается через скверну, «дело», «распущенность», «невоздержанность», роскошество, растрату.

Теперь рассмотрим духовно-психологические механизмы этой страсти.

В работах глубокого знатока творчества Иоанна Мосха Хосе Пальмера эта тема представлена несколько однобоко. Он упрощенно считает, что Иоанн Мосх основную причину блуда видит в блудном демоне, а человек является лишь жертвой и орудием этого греха. Женщины, которые появляются на пути монахов все без исключения являются или бесовскими фантомами, или орудиями сатаны .

Однако, при ознакомлении с текстами «Луга», а также аскетической традицией вырисовывается гораздо более сложная картина.

Грех блуда начинается с блудных помыслов, которые зачастую действительно внедряет в человека дьявол, например 204 рассказ: начал дьявол всеивать ему (т. е. монаху) помыслы на нее и начал он желать взять ее за руку □ Ηρξато ὁ διάβολος σπείρειν αὐτῷ λογισμοὺς εἰς αὐτήν, καὶ ἤρξато θέλειν ἄψασθαι τῆς χειρὸς αὐτῆς). Даже в этом примере мы видим, как дьявольская активность провоцирует активность человеческую и всеянные помыслы немедленно дают богатый всход: параллельные конструкции Ηρξато ὁ διάβολος σπείρειν λογισμοὺς (начал дьявол всеивать помыслы) □ и ἤρξато θέλειν ἄψασθαι (начал желать коснуться) показывают и человека, и дьявола как параллельные и в чем-то равные силы в совершении греха. Помыслы могут называться «скверными» - ἐνέβαλε ρύπαρους λογισμοὺς. □ Как только всеиваются помыслы, начинается борьба или брань πόλεμος) если человек поддается помыслам и проигрывает борьбу (обычное выражение ἐπτολεμήθη) то он входит в состоянии похоти (ἐπιθυμία). Рассмотрим высказывания в «Луге» относительно происхождения похоти. Если в одних контекстах говорится о ее дьявольском происхождении (напр. 60 рассказ, vii рассказ из membra disiecta Mioni), то в других похоть недвусмысленно связывают с испорченной человеческой природой. Вот характерный пример: «И природа возбуждает похоти, братья, но строгость подвига погашает их». Καὶ ἡ φύσις ἐγείει τὰς ἐπιθυμίας, ἀδελφοί, ἀλλ ἡ τῆς ἀσκέσεως ἐπίτασις ἀποσβεννυει αὐτὰς. (152 рассказ) .

Особо обращается внимание на то, что юные должны каяться потому, что они подставили под ярмо свою шею в расцвете похоти οἱ μὲν νεοί, ὅτι ἐν ἀκμῇ τῆς ἐπιθυμίας τὸν ἑαυτῶν αὐχένα ὑπὸ ζυγὸν ὑπέταξαν (159 рассказ) . Похоть могут возбуждать различные причины – не только и не столько сверхъестественные – дьявольские искушения, сколько естественные – появление или присутствие женщины (19, 39, 204 рассказ), а также действие вина (см. пример выше на ἀκολασία из Membra disiecta Mioni 7).

Таким образом, в Луге Духовном несколько не преуменьшается значение человеческой природы и часто причины появления похоти могут быть комплексными – как происходящими от дьявола, так и от самого человека. Вкратце рассмотрим психологические характеристики похоти.

1. Она уподобляется жалу овода. В VII рассказе Mioni говорится $\text{Κινηθεὶ ὑπὸ διαβόλου εἰς οἴτρον κατ' αὐτῆς ἐπέτρεψεν τὴν ταυτὴν ἔλθειν καὶ σθγκαθεσθῆναι αὐτῷ εἰς τὸν δεῖπνον}$.

Подвигнутый дьяволом к жалу похоти против нее, повелел он ей прийти и совозлежать с ним на пире. Это словоупотребление достаточно редкое, в значение «похоть» употребляется только у Епифания Кипрского. Этот термин не случаен, им обозначается острота ощущений при похоти, а также ее насильственный, принудительный характер.

2. Похоть часто сравнивают с палящим пламенем, например в 19 рассказе монах говорит: $\text{ἐπιθυμίας καταφλεγούσης μεπύρωσι}$

Высшая степень похоти – «разжение», (горение, разжение), или просто $\square\square\square\square$ (огонь). См. пример из 19 рассказа $\text{καὶ μὴ βαστάξας τὴν πύρωσιν}$ - не вынеся разжения. В 60 рассказе говорится, что когда юноша видел монахиню, он «весь становился как огонь»

3. Разжение сопровождается возмущением и смятением. В 39 рассказе дочь крестьянина видит монаха «возмущенным (θουρυβόμενον) и всецело готовым на «дело».

4. Иногда похоть может быть связана с гневом и жестокостью, переходя в «садистский комплекс». В уже упомянутом рассказе 7 из *Membra disiecta* Mioni говорится о том, что персидский вельможа, разъяренный отказом монахини разделить с ней ложе, стал наносить ей удары мечом и «И с каждым ударом он склонял ее к мерзости распутства» $\text{Καὶ καθ' ἐκάστην πληγὴν εἰς τὸ τῆς ἀκολασίας προετρέπετο μῦθος}$.

Исполнение похоти совершается или в публичных домах ($\text{καταγώγιον τῆς πορνείας}$) или ее объектами становятся мирянки, приютившие монахов (39, 204, 205). Последствия этого греха для тех, в ком жива совесть, многообразны и печальны.

Во-первых, монах губит труд многих лет ради краткого удовольствия ($\text{διὰ βραχείαν ἡδονὴν}$) – 39 рассказ. 2892 В) и из за него он может лишиться Царствия Небесного (19 рассказ). Затем соблудивший может испытывать скорбь. В 204 рассказе благочестивая женщина напоминает монаху: «Помысли о скорби и покаянии $\text{λύπης καὶ μετάνοιας}$ которым ты должен каяться, сидя в келье». Затем это – ощущение вины и стыда и проистекающее из него разъединение, отделение монаха от своего монастыря, своей общины: в 97 рассказе соблудивший монах не решается вернуться в монастырь, в 205 рассказе благочестивая вдова говорит распалившемуся было страстью монаху: «С каким лицом ты посмотрел бы на моего отца, или вернулся в монастырь и слышал хор поющих святых?». Мало того, грех разъединяет согрешившего с предметом своей страсти. В том же 205 рассказе вдова говорит монаху: «Если бы я тебя послушалась, мы бы уже были разделенными, совершив грех $\text{ἤδη ἡμεθα ἀπαλλαγέντες τελέσαντες τὴν ἀμαρτίαν}$ Соблудивший может стать виновником многих зол и преступлений ($\text{πολλῶν κακῶν ἄτιος}$) в частности - потенциальным виновником самоубийства своей жертвы: в 39 рассказе дочь крестьянина, на которую покушался монах прямо угрожает ему: «Если «смиришь» меня, я в петле с собой покончу»

Блуд страшно развращает некоторых героев Мосха и изменяет их личность, зачастую делает с ним то, что с современным человеком - алкоголь и героин, становясь своеобразным духовным наркотиком, ради которого человек готов продать и предать все. Вот пример из 97 рассказа: двое братьев стали монахами, затем один из них впал в блуд и ушел из монастыря. Его брат последовал за ним из любви к нему. Вдвоем они трудились на строительстве монастыря и соблудивший брат брал их общий заработок и тратил) на блудные дела» ($\text{καὶ ἐδάπανα αὐτὸν εἰς}$

ἄσωτίας). Другой пример – молодой человек «страшно возненавидел труд, стал блудником», □□а потом стал обворовывать гробницы.□

Спасение от блуда согласно «Лугу» состоит в бегстве от похотей плоти. В 105 рассказе приводится изречение Аввы Иоанна Киликийца: «Чада, как мы бежали от мира, так да бежим и от похотей плоти». Это бегство состоит в трезвении, непрерывном пребывании в монастыре (для монашествующих), в подвиге и молитве.

Подведем итоги.

1. Учение о страстях, их классификации и борьбе с ними, принадлежит как самому Иоанну Мосху, так подвижникам благочестия, с которыми общался Иоанн Мосх (авве Александру, авве Маркеллу, Иоанну Кизическому) и является общецерковным. Оно находит ряд параллелей в творениях греческого Ефрема Сирина и Макария Великого и египетских отцов-пустынников, но также и свят. Григория Нисского и Епифания Кипрского.

2. Матерью и корнем всех грехов является сребролюбие, которое может вести к тщеславию и гордости, жадности и гневу. Сребролюбие может уподобить человека неблагодарным израильтянам, отвергшим Бога и предателю Иуде

3. Следующим по значению грехом является гордость, которая может привести не только к тщеславию и суетности, но, в особо тяжелых случаях, к блуду и убийству.

4. Со страстью уныния органически связаны небрежение или леность (ῥαθυμία) □малодушие, понимаемое как небрежение (ὀλιγωρία), а также – праздность (ἀργία) и желание покоя.

5. Печаль является обратной стороной славолубия и может довести человека до самоубийства. Для борьбы с ней нужна твердая решимость.

6. Гнев может довести человека до ненависти и убийства. Он изгоняется противоположным чувством – смирением.

7. В определении блудных грехов особую роль играют понятия ἄσωτία - распутство, связанное с материально-финансовым аспектом этого греха, а также ἄκολασία -невоздержанность, распущенность, связан с семантикой отсутствия воспитания или наказания. Иоанн Мосх подробно описывает механизмы этого греха, связывая его не только и не столько с демонской деятельностью, сколько с распущенностью самого человека, его податливостью блудным помыслам, которые действительно может вселять дьявол. Похоть могут возбуждать различные причины – не только и не столько сверхъестественные – дьявольские искушения, сколько естественные – появление или присутствие женщины (19, 39, 204 рассказ), а также действие вина. Для избавления от похоти необходимы трезвение, непрерывное пребывание в монастыре (для монашествующих), в подвиге и молитве.